

ПОЛОЖЕНИЕ БЕСПРИЗОРНЫХ ДЕТЕЙ АКТЮБИНСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ГОЛОДА 1921-1924 гг.

Е. Конбай^{1*}, Р.Д. Ахметова²

^{1,2}*Шәкарім университет, Семей, Қазақстан*

Е-mail: konbayyerke@gmail.com^{1*}

r.d.akhmetova@mail.ru²

¹<https://orcid.org/0009-0003-2678-945X>

²<https://orcid.org/0000-0003-1359-0006>

Аннотация. В статье исследуется положение беспризорных детей Актюбинской губернии в период голода 1921-1924 годов. Вследствие стихийного бедствия и гибели взрослого населения в результате голода, проблемы защиты детей, как наиболее незащищенной части общества, заняли приоритетное место в деятельности местных органов власти. Все это предопределило важность изучения данной темы в отечественной историографии, посвященной социальным потрясениям первой четверти XX века.

В статье на основе материалов архивных фондов и современных исследовательских данных всесторонне освещается положение детей Актюбинской губернии в рассматриваемый период. Особое внимание уделено тяжелому состоянию материального обеспечения детских учреждений, выраженному в нехватке продовольствия, одежды и жилых площадей; раскрываются причины распространения инфекционных заболеваний и их трагические последствия для воспитанников; изучается работа властей по ликвидации данных проблем.

Наряду с оказанием помощи взрослому населению, первоочередной задачей государства стало жизнеобеспечение сотен тысяч детей, пострадавших от голода. Динамика численности детских домов была крайне нестабильной: периоды их роста сменялись сокращением и ликвидацией из-за отсутствия финансирования. В качестве альтернативных форм помощи власти были вынуждены организовывать ночлежки и столовые для беспризорников. Из-за увеличения детской смертности одним из способов помощи голодающим детям было переселение их в другие регионы республики, а также за ее пределы. Голод 1921-1924 годов принес трудности населению, особенно детям, и потребовал срочных мер по решению проблемы детской беспризорности. Экономические трудности в Советском Союзе, усугубленные положением казахского общества, осложняли решение детских проблем. Этот период остается одной из трагических страниц в истории страны.

Ключевые слова: Актюбинская губерния, беспризорные дети, голод 1921-1924 гг., детские дома, местные органы власти, переселение детей, инфекционные заболевания, помощь голодающим.

Введение

Голод 1921-1924 гг. относится к числу наиболее тяжёлых кризисных явлений в истории Казахстана. В наибольшей степени он затронул западные регионы республики, приведя к массовой смертности населения. В отечественной историографии в качестве основных причин голода указываются противоречивая экономическая политика формирующейся советской власти, последствия политики «военного коммунизма», а также неблагоприятные природно-климатические условия. Анализ существующих исследований показывает, что, несмотря на значительное внимание к проблеме голода, региональный аспект детской

беспризорности остаётся недостаточно изученным.

Особенно тяжелые последствия голод имел для наиболее уязвимой социальной группы - детей. Лишенные родительской опеки, жилья и средств к существованию, тысячи детей оказались в условиях крайней нужды. В условиях гражданской войны и социально-экономической нестабильности органы советской власти были вынуждены экстренно реагировать на проблему детской беспризорности.

С первых месяцев голода осуществлялось открытие детских домов, организация временных приютов и столовых, а также эвакуация детей в более благополучные регионы. Вместе с тем предпринимаемые меры нередко оказывались недостаточными ввиду масштабов кризиса.

Одной из важных мер, предпринятых правительством для решения проблемы беспризорных детей, стала организация их перевозки железнодорожным транспортом в другие районы республики, а также за её пределы. Следует учесть, что мероприятия по стабилизации положения детей осуществлялись в условиях общего голода, охватившего и взрослое население. Острый дефицит продовольствия и распространение инфекционных заболеваний обусловили высокий уровень смертности как среди взрослых, так и среди детей.

Анализ деятельности союзных, республиканских и местных органов власти в условиях данного трагического периода на примере ранее специально не исследованной Актюбинской губернии позволяет подчеркнуть научную значимость и актуальность рассматриваемой проблемы.

Особое значение в рамках данного исследования приобретает анализ образовательной политики советского государства в отношении беспризорных детей, реализуемой через систему детских домов и учреждений народного просвещения. В условиях голода данная политика претерпела существенную трансформацию, сместив акцент с задач воспитания и обучения на обеспечение базовых условий выживания детей.

Целью исследования является комплексный анализ положения беспризорных детей в Актюбинской губернии в 1921-1924 гг., а также изучение деятельности органов власти и трансформации системы социальной и образовательной помощи в условиях голода.

Материалы и методы

Источниковую основу исследования составили документы Государственного архива Актюбинской области (далее - ГААО), включающие отчёты, донесения, переписку органов власти и материалы по социальной и экономической ситуации в регионе в период 1921-1924 гг. Значительная часть привлечённых документов ранее не вводилась в научный оборот, что позволило получить новые данные и проанализировать проблему голода на местном уровне более полно. Помимо архивных источников, использованы опубликованные сборники документов, а также научные публикации, посвящённые голоду начала 1920-х годов в Казахстане и сопредельных регионах.

Методологической основой исследования послужили принципы историзма, позволяющие рассматривать события в контексте времени и социальной среды, и объективности, обеспечивающей беспристрастное отражение фактов и процессов. В работе применялись методы сравнительного анализа для сопоставления различных источников и точек зрения, историко-сравнительного анализа для выявления общих тенденций и особенностей голода 1921-1924 гг. в разных регионах, а также количественная обработка статистических данных, что позволило выявить масштабы явления и провести системный анализ демографических и социально-экономических последствий голода.

Обсуждение

В отечественной исторической науке проблема голода 1921-1924 годов на протяжении длительного времени рассматривалась фрагментарно и не получила комплексного анализа. В постсоветский период исследовательский интерес преимущественно концентрировался на

трагических событиях 1931-1933 гг. Вместе с тем в последние годы заметно возросло внимание к голоду начала 1920-х годов, его причинам и социальным последствиям.

Причины и последствия голода рассматриваемого периода нашли отражение в трудах М. Козыбаева, Т. Омарбекова и других исследователей. В дальнейшем научный интерес к данной проблематике заметно усилился, что выразилось в подготовке и защите диссертационных исследований. Особенно активизация публикационной деятельности наблюдалась в преддверии 100-летия трагических событий, когда было издано значительное количество специализированных исследований и научных статей.

Следует особо отметить исследование С. Смагуловой, посвященное проблематике голода данного периода (Смагулова, 2019). Кроме того, в трудах Е. Хайдарова (Хайдаров, 2021), У. Исенова (Исенов, 2021), А. Б. Амана (Аман, 2021: 142-148), Д. К. Абенова (Абенов, 2021: 53-65), А.Т. Мадена (Маден, 2021: 30-37), а также в научных публикациях А.С. Сарсенова, Г.К. Каиргалиевой и Д.Ж. Алиповой (Сарсенов, Кайргалиева, Алипова, 2022: 24-34) преимущественное внимание уделяется анализу причин и последствий голода в западном регионе Казахстана. Хотя в указанных исследованиях проблема детства не является основной, они содержат обобщенные оценки положения детей в условиях голода. Вопросы организации помощи голодающему населению подробно рассматриваются в статье М.М. Козыбаевой (Козыбаева, 2022: 27-37). Вместе с тем положение детей в 1921-1924 гг., являющееся предметом настоящего исследования, получили более детальное освещение в работах Г.Б. Сугиралимовой (Сугиралимова, 2006), а также З.Г. Сактагановой и Г.Б. Карсаковой (Сактаганова, Карсакова, 2018: 49-56).

Социальный институт детских домов, сформировавшийся под влиянием общественно-социальных процессов 1920-х гг., до настоящего времени не получил достаточного освещения в современных исследованиях, особенно в части анализа его становления, проблем детства и беспризорности в контексте образовательной политики.

Под образовательной политикой в рассматриваемый период понимается деятельность органов народного просвещения, направленная на организацию системы воспитания и обучения беспризорных детей через сеть детских домов и интернатных учреждений. Однако в условиях голода данная политика носила во многом декларативный характер и была подчинена задачам физического выживания детей.

Настоящая работа направлена на восполнение данного историографического пробела посредством изучения регионального опыта на примере Актюбинской губернии.

Результаты

Первые признаки надвигающегося голода в Актюбинской губернии были зафиксированы в июле 1921 г. Засуха привела к неурожаю: до 90% посевов оказались уничтоженными. В ряде уездов полностью отсутствовали запасы хлеба. Уже летом 1921 года значительная часть населения испытывала острый дефицит продовольствия (ГААО Ф.3. ОП.1. Д.604. Л.1). По имеющим данным, число голодающих достигло 300 тыс. человек и продолжало увеличиваться.

4 июля 1921 года председатель Актюбинского губаткома Ряхов в связи со сложившейся ситуацией направил телеграмму в продовольственный комиссариат Казахстана и КазЦИК следующего содержания: «Первый Актюбинский губсъезд признал Актюбинскую губернию угрожающим продовольственным отношением: Темирской, Иргизской, Уильской и южной части Актюбинского района хлеба нет, население давно голодает, урожая хлеба не предвидится. Ходатайствует перевести губернию потребляющей и просит хлеб имеющейся ссыпных пунктах забронировать Комитетом помощи голодающим Актюбинской губернии, приостановить вывоз такового из губернии. Теперь же отпустить семнадцать с половиной тысяч хлеба сто тысячи голодающих (ГААО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 600. Л. 41).

В 1921 г. Актюбинская губерния включала 135 волостей. По пятибалльной системе оценки урожайности сбор зерновых составил лишь 0,5 балла, сенокос - 1 балл. Посевные

площади имелись преимущественно в Актюбинском уезде и частично в Темирском уезде, однако вследствие засухи и нашествия вредителей урожай фактически оказался утрачен. В 15 волостях Иргизского уезда с населением 120 000 человек, в 27 волостях Темирского уезда с населением 95 079 человек и в 13 волостях Уилского уезда с населением 63 000 человек зерновые полностью отсутствовали, при этом население этих уездов было в основном казахским. Предыдущей зимой произошёл падеж 90% (в некоторых местах 95%) имеющегося скота. Казахское население без зерна и скота находилось в очень тяжелом положении. Рассказывая о такой ситуации, председатель губисполкома указывает председателю чрезвычайной комиссии по оказанию помощи голодающим при КазЦИК С. Мендешеву, что «по имеющимся в распоряжении губисполкома данным, число голодающих составляет 300 тысяч, из-за нехватки продовольствия их число растёт день ото дня (ГААО. Ф.3. Оп.1. Д. 600. Л. 42 и об.).

Комиссия по оказанию помощи голодающим, созданная в июле 1921 года, прилагала усилия, чтобы убедить руководство республики и Центр включить губернию в список регионов, страдающих от засухи и голода.

С 1 августа 1921 года губерния была официально признана голодающей, что повлекло за собой освобождение от уплаты различных налогов и отнесение населения к категории нуждающихся в помощи; по данным комиссии, к октябрю продовольственной помощи нуждалась более половины населения, а к 1 января 1922 г. число голодающих достигло 361 051 человека, что составляло около 65% всего населения губернии (ГААО. Ф. 3. Оп.1. Д. 604. Л.1). В этих условиях особое внимание органов власти было направлено на детей как наиболее уязвимую категорию населения.

В июле 1921 года в Актюбинской губернии была создана комиссия по улучшению условий жизни детей, деятельность которой была направлена на организацию помощи беспризорным и голодающим детям. Основной формой поддержки стало создание сети детских домов.

В результате работы по выявлению голодающих и беспризорных детей в губернии к середине августа 1921 года была зафиксирована следующая численность воспитанников детских домов: в 5 детских домах Актюбинского района - 685 человек, в 4 детских домах Акбулакского района - 611, в 5 детских домах Можаровского района - 640, в 2 детских домах Темирского района - 116, в 2 детских домах Уилского района - 180, в 1 детском доме Иргизского района - 150, ещё в одном детском доме - 50, и в 1 детском доме Карабутацкого района - 47. Таким образом, всего в 21 детском доме насчитывалось 2479 воспитанников (ГААО. Ф.3. Оп.1. Д. 604. Л. 191). Следует отметить, что около тысячи из этих воспитанников составляли казахские дети. Однако уже на этом этапе учреждения испытывали серьёзные трудности: нехватку продовольствия, одежды и помещений. Поток беспризорных детей в города, прежде всего в Актобе, постоянно увеличивался за счёт миграции населения из пострадавших районов.

Параллельно с детскими домами организовывались столовые и временные пункты питания. Однако масштабы помощи не соответствовали количеству нуждающихся, что предопределило дальнейшее ухудшение ситуации. Одновременно наблюдалось скопление людей, перемещавшихся из Омской губернии в направлении Украины, а также из Самарской губернии в Туркменскую республику. Многие дети погибали от голода, а оставшиеся без попечения родителей скитались по улицам. Предпринимались попытки устроить их в детские дома, однако уже в октябре учреждения были переполнены на 200%, при этом было зарегистрировано 1875 беспризорных детей (ГААО. Ф.3. Оп.1. Д.604. Л.191 и об.).

К 1 сентября в Актобе численность официально зарегистрированных беспризорных детей достигла 5743 человек. Понимая, что с наступлением осени их положение может ещё более ухудшиться, местные власти неоднократно направляли в центр телеграммы с просьбой о переселении детей в другие регионы. Не получив своевременного ответа, они приняли самостоятельное решение об эвакуации детей в Туркестанскую республику и в Украину. В период с 1 августа по 15 октября туда было вывезено 7877 детей (ГААО. Ф.3. Оп.1. Д. 604.

Л.191 и об.).

Массовый приток беспризорных детей значительно увеличил нагрузку на систему детских домов. По состоянию на 1 октября 1921 года их число выросло с 21 до 25, а общее количество воспитанников достигло 3090 человек. Это было связано с увеличением числа беспризорников в Актобе, Акбулаке, Темире и Уиле, где пришлось открыть по одному дополнительному детскому дому.

В ноябре 1921 года в 25 детских домах находилось уже 4087 детей, что значительно превышало их реальные возможности (ГААО. Ф.3. Оп.1. Д.604. Л.191 и об.).

Проверки детских учреждений, проведенные в октябре 1921 года, выявили крайне тяжелое состояние воспитанников. В ряде учреждений доля здоровых детей не превышала 5-10%, а основной причиной заболеваемости являлось хроническое недоедание. Отсутствие одежды, постельных принадлежностей и отопления, а также высокая скученность способствовали распространению инфекционных заболеваний.

Санитарно-гигиеническая ситуация характеризовалась как критическая: больные и здоровые дети содержались совместно, отсутствовали изоляторы и медицинское обслуживание. В результате резко возросла смертность. Только за ноябрь 1921 года было зафиксировано не менее 320 случаев смерти среди детей, а в отдельных учреждениях за короткий период фиксировались десятки летальных исходов.

Таким образом, к концу 1921 года система детских домов оказалась перегруженной и не справлялась с возложенными на неё функциями.

К 1 декабря 1921 года в результате эвакуации ситуация в детских домах начала стабилизироваться. На тот момент в губернии функционировало уже 27 детских домов - в Актюбинском и Уилском районах открылось по одному новому дому - в которых находились 2 432 воспитанника. В течение ноября численность детей сократилась на 1 655 человек (ГААО. Ф.3. Оп.1. Д. 60. Л. 191-192 и об.). Однако их материальное положение оставалось крайне тяжелым.

В конце ноября, после получения разрешения центра, было организовано переселение детей в Самарканд. В заявлении Актюбинского губернского отдела народного образования от 22 ноября 1921 года отмечалось, что в южные губернии направлен 1251 ребёнок, в сторону Ташкента - 2935. Дети отправлялись партиями по 30-60 человек (ГААО. Ф.3. Оп.1. Д.8. Л.49). В целом в 1921 году в другие губернии было эвакуировано и перемещено 21 540 детей, включая 3513 в Туркестанскую республику, и 75 в Украину. Данная мера позволила частично снизить нагрузку на местные учреждения и уменьшить смертность. Одновременно была расширена сеть общественного питания, однако её возможности оставались ограниченными.

20 декабря 1921 года состоялось заседание Комиссии помощи голодающим (Помгол) при Актюбинском губернском продовольственном комитете, ознаменовавшее начало официального функционирования данного органа. В ходе заседания было принято постановление о формировании сети низовых структур в Уилском, Темирском, Можаровском, Шалкарском и Иргизском районах. Согласно утвержденному регламенту, в состав районных комиссий входили заведующий конторой заготовок (в качестве председателя), а также руководители отдела общих дел и инспекторского бюро. Основной функциональной задачей созданных подразделений являлась организация и открытие пунктов общественного питания для нуждающегося населения (ГААО. Ф.6. Оп.1. Д.36. Л.15).

Несмотря на то, что переселение беспризорных детей в пределах губернии частично способствовало смягчению ситуации, голод, охвативший регион, в 1922 году продолжал нарастать. По состоянию на 1 января 1922 года численность населения составила 361 051 человек, из них 97 309 - дети до 16 лет и 263 742 - взрослые, что составляло 65 % всех жителей губернии (ГААО. Ф. 3. Оп.1. Д. 8. Л. 28). В указанный период на территории губернии функционировали 6 учреждений общественного питания, 10 детских столовых и 27 детских домов.

В феврале 1922 года число голодающих достигло 48 000 человек, из которых 30 000 были

дети. Улучшение положения детей оставалось одной из самых сложных задач. Из-за острого дефицита продовольствия открыть новые детские дома не представлялось возможным. Существовавшие учреждения, особенно районные детские дома, страдали от нехватки одежды и обуви, при этом регистрировались многочисленные случаи детской смертности. На тот момент в детских домах находилось 4 000 воспитанников, однако питания хватало лишь на 1 500 детей. Остальные дети должны были обеспечиваться губернской комиссией по помощи голодающим, однако её продовольственные запасы были крайне ограничены.

Из-за неблагоприятных погодных условий и метелей сведения из детских домов и учреждений губернии поступили только 1 марта. На тот момент в Актюбинском районе действовало 10 детских домов, в Акбулакском - 5, в Темирском - 2, в Иргизском - 2, а также по одному в Шалкарском и Карабутакском районах, всего 21 детский дом, в которых проживало 3 336 детей. Информации о положении Уилского района не поступало, позднее выяснилось, что из-за бандитского нападения там остался лишь один детский дом с 70 детьми; остальные дома были покинуты из-за отсутствия продовольствия, а имущество и оборудование разграблены. В марте ситуация была крайне тяжелой: дети продолжали прибывать ежедневно; голодные, истощённые и больные вынуждены были находиться вместе со здоровыми из-за нехватки мест (ГААО. Ф. 3. ОП. 1. Д. 604. Л. 193).

В марте 1922 года число голодающих достигло 262 514 человек, из которых 160 500 были взрослые и 102 014 - дети. К апрелю число голодающих возросло до 300 000 человек, что составляло 78 % всего населения губернии. Согласно информации о голоде в Актюбинской губернии, подготовленной 25 марта 1922 года, в состав губернии на тот момент входило 7 районов (уездов). По данным на 1 декабря 1921 года, её население составляло 526 023 человека, из которых 306 023 были взрослыми и 220 000 - детьми.

В указанный период (Таблица 1) были организованы специальные детские столовые. В трёх столовых в Актобе питание получили 1 900 детей, в четырёх столовых в Можаровске - 777 детей, в одной столовой в Темировском районе - 112 детей, в одной столовой в Шалкаре - 473 ребёнка и в одной столовой в Иргизе - 98 детей. Всего в 10 столовых питание получили 3 360 детей (ГААО. Ф.6. Оп.1. Д. 26. Л.4).

В марте 1922 года деятельность комиссии помощи голодающим (Помгол) оказалась в затруднительном положении. Число голодающих продолжало расти, тогда как поставки продовольственной помощи в районы были прекращены. Ситуация в Темирском районе также обострилась: многие столовые закрылись из-за нехватки еды. Питание продолжали получать только жители Темирской, Журинской, Конжарской, Калмыккырганской волостей и поселка Эмба, которые были обеспечены 600 пудами зерна для 4 238 голодающих жителей, предоставленных ревкомом Адай-табын.

Таблица 1. Число детских домов в губернии и количество в них воспитанников по состоянию на 1 января 1922 года (ГААО. Ф.6. Оп.1. Д.26. Л.4).

Районы	Количество детдомов	Количество детей-русских	Количество детей-казахов
Актюбинский	10	703	193
Акбулакский	4	125	496
Можаровский	5	434	100
Темирский	3	157	34
Уилский	2	110	170
Иргизский	1	20	130
Шалкарский	1	70	80
Карабутакский	1	-	70
Всего	27	1.619	1.273

В связи с сокращением распределения продовольствия и закрытием столовых в Темире число голодающих начало резко увеличиваться - с 1 800 до 2 298 человек, и рост продолжался. В городе действовали пять столовых и поскольку было невозможно накормить всех одновременно, работа столовых была организована в две смены. При этом в городе находился детский дом на 120 детей. Из-за нехватки специального пайка для голодающих порция хлеба для детей была уменьшена до ½ фунта, а кормление проводилось дважды в день. Такая мера создавала серьёзную угрозу для жизни детей и способствовала высокой детской смертности.

В городе Темир высокая концентрация людей в ночлежках привела к росту числа заболевших. В ответ на это Комитет помощи голодающим был вынужден организовать медицинские пункты, при этом половину пациентов составляли голодающие. В течение отчётного месяца в городе скончалось 97 человек. Ситуация с продовольствием в районе также оставалась напряжённой: действовали 101 столовая, обслуживающая 37 596 голодающих, из которых 22 558 были взрослые и 15 638 - дети, а также 20 учреждений общественного питания, оказывавших дополнительную поддержку населению. Вопрос с семенным фондом района был решён лишь частично: учёт велся преимущественно в частных хозяйствах русского населения. Выделенный из губернии семенной фонд составил 63 000 пудов, однако из-за низкой урожайности этого объёма хватало лишь на 70 % потребностей района, что усугубляло продовольственный кризис. При обсуждении хода посевной кампании было отмечено, что из-за раннего наступления весны семенные культуры прорастают с опозданием, при этом за этот же период было собрано лишь 20 % ожидаемого урожая. Что касается помощи детям, отдел народного просвещения планировал открыть в губернии 11 детских домов. В целом Комитет помощи голодающим организовал в городе Темир питание для детского дома с общежитием и столовой на 120 мест.

Важную роль сыграла международная помощь, благодаря которой удалось расширить сеть питания и увеличить охват детей продовольствием. Вместе с тем из-за нехватки ресурсов происходило сокращение сети детских домов и их преобразование в столовые.

Характерной особенностью этого периода стала нестабильность системы: увеличение числа получателей помощи сопровождалось уменьшением индивидуальных норм снабжения. При переходе к более полному обеспечению число получателей резко сокращалось, что свидетельствует о дефиците ресурсов.

Значительный вклад в стабилизацию ситуации внесла Американская администрация помощи (ARA), которая развернула 45 столовых, обеспечив питанием 6 538 детей.

Что касается медицинской помощи, при комитете помощи голодающим медицинский персонал отсутствовал. Обслуживание населения осуществляли лишь два врача и четыре фельдшера отдела здравоохранения. В то же время началось массовое перемещение жителей в другие районы: в основном уходили бывшие переселенцы, а также усиливался поток мигрантов в Туркестанскую область. Из-за нехватки кадров работа по удержанию населения на местах практически не велась, а местные власти не могли гарантировать стабильное будущее для оставшихся даже при условии их проживания в своих домах (ГААО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 35. Л. 1-2 и об.).

Таблица 2. Объём поступления и расхода зерновых (ГААО. Ф.6. Оп.1. Д. 35. Л. 2 и об.)

Зерновые	Остаток на 1 марта	Поступление за март	Расход за март	Остаток на 1 апреля
Зерно	-	600 пуд	418 пуд 28 ф.	181 пуд 12 ф.
Рожь	91 п.13,5 ф.	134 п. 02 ф.	226 п. 31 ф.	1 п.12 ф.
Мука	22 п. 04,5 ф.	5 п.	8 п.04 ф.	19 п.0,5 ф.
Пшено	36 п.24 ф.	-	36 п. 24 ф.	-

Следует отметить, что указанное количество пшеницы, оставшейся на 1 марта - 134 пуда

02 фунта - приводится с оценкой в эквиваленте ржи (Таблица 2). В феврале 1922 года в городе Темир действовали четыре столовые, охват которых был следующим: столовая № 1 - 582 человека; столовая № 2 - 633 человека; столовая № 3 - 735 человек; столовая № 4 - 90 человек (ГААО. Ф.6. Оп. 1. Д.36. Л.1).

В своём заявлении в Голпом председатель Помгола Темирского района подчеркнул необходимость особого внимания к населению района, пострадавшему от неурожая сильнее, чем в других районах. Он просил выделить продукты питания на февраль и дополнительные денежные средства для организации общественного питания. При этом отмечалось, что ранее полученные средства в размере 100 миллионов рублей уже израсходованы, а отчёт о их использовании будет предоставлен (ГААО. Ф.6. Оп.1. Д.36. Л. 1 и об.).

В Эмбинской волости деятельность комиссии по оказанию помощи голодающим фактически не осуществлялась. По состоянию на 15 января 1922 года здесь функционировал лишь один пункт общественного питания, обслуживавший 97 детей в возрасте от 5 до 14 лет. Общее число нуждающихся в продовольственной помощи в волости достигало 300 человек. При этом взрослое население, страдавшее от голода, питания в данном пункте не получало.

Темирскому району комиссией было выделено всего 47 пудов пшеницы. В связи с отсутствием оборудованных пунктов питания мука распределялась в три населённых пункта в сыром виде. В Эмбе, несмотря на общую нехватку ресурсов, организовывалось приготовление горячей пищи и выпечка хлеба; детям выдавали по полфунта хлеба в день.

Денежная помощь, выделенная из районного Помгола, составила 1 000 000 рублей. Существенную поддержку обеспечивали и средства, поступавшие в порядке добровольной помощи голодающим. Эти поступления формировались за счёт сборов на рынках посёлка и железнодорожной станции и передавались регулярно, как правило, раз в неделю. Рынок при станции был передан в ведение Волостного исполнительного комитета (волисполкома), поскольку детям железнодорожников выдавались сухие пайки. Вместе с тем следует отметить, что сотрудники волисполкома не предпринимали необходимых мер по организации и регулированию работы пунктов общественного питания.

В Журинской волости комиссия по оказанию помощи голодающим была учреждена в конце декабря 1921 года. Однако с момента её создания и до середины марта 1922 года функционировал лишь один пункт общественного питания. Через него прошло 842 человека в декабре, 23 313 - в январе, 12 541 - в феврале и 14 810 - в марте. С марта 1922 года к Журинской волости была присоединена Михайловская волость, включавшая четыре населённых пункта. В каждом из них был открыт отдельный пункт общественного питания. Со дня их открытия через все столовые прошло в общей сложности 46 367 нуждающихся. Обеспеченность продовольствием по месяцам выглядела следующим образом: в декабре - 252 пуда 20 фунтов пшеницы и 50 пудов 36,5 фунта мяса; в январе - 170 пудов 39 фунтов пшеницы и 137 пудов 20 фунтов мяса; в феврале - 110 пудов пшеницы и 31 пуд 26 фунтов мяса; в марте - 64 пуда 28 фунтов пшеницы и 27 пудов 23 фунта мяса; с 1 по 19 апреля - 144 пуда 35 фунтов пшеницы. Всего за указанный период было израсходовано 743 пуда 3 фунта пшеницы и 267 пудов 25,5 фунта мяса (ГААО. Ф.6. Оп.1. Д.36. Л.9 и об.). Кроме того, в течение месяца волостная комиссия по оказанию помощи голодающим обеспечивала продовольствием 900 голодающих казахов, размещённых в железнодорожных вагонах на станции Журын и подлежащих эвакуации в Туркестанскую республику.

В середине апреля 1922 года волостная комиссия по оказанию помощи голодающим обеспечивала питанием 1 864 человека в официально зарегистрированных пунктах общественного питания. Сокращение числа получателей помощи было связано с вынужденным уточнением списка нуждающихся из-за острой нехватки продовольствия, в результате чего из него были исключены 791 человек. Данная мера крайне тяжело отразилась на положении голодающих: многие лишились какой-либо поддержки и не имели возможностей для проведения полевых работ. Даже предоставляемая горячая пища лишь частично облегчала состояние истощённых людей, а после сокращения списков положение

стало ещё более тяжёлым. Выделенные Темирским районным Помголом денежные средства в размере 33 000 000 рублей были израсходованы полностью. Волость также испытывала серьёзные трудности с обеспечением тягловой силой: вынужденный забой части лошадей для употребления в пищу ещё более осложнил хозяйственную ситуацию.

Представитель Помгола, посетивший волости в середине апреля 1922 года с целью проверки деятельности пунктов общественного питания, в своём отчёте подчеркнул необходимость оказания неотложной и эффективной помощи данным районам. В противном случае, по его мнению, население, особенно казахи, рисковало не дожить до нового урожая. Кроме того, в посёлке Эмба предлагалось открыть детский дом, организовать пункт питания для переселенцев, а также создать дом престарелых и дополнительный пункт продовольственной помощи (ГААО. Ф.6. Оп.1. Д.36. Л.10).

Положение населения Карабутацкого района в период с марта до середины апреля 1922 года оценивалось как относительно удовлетворительное. Скот в целом благополучно пережил зиму: падёж сократился, не фиксировались случаи массового нападения волков или распространения инфекционных заболеваний. Общая смертность в районе составила около 5%, а среди населения наблюдалось снижение уровня заболеваемости, что связывалось с деятельностью районного отдела здравоохранения. Вместе с тем государственная помощь голодающим оказалась недостаточной. В январе в район поступило 525 пудов зерна, которое распределялось через девять пунктов питания. Основные надежды возлагались на дальнейшие поставки от государства. В районном Помголе было зарезервировано лишь 40 пудов зерна, дополнительно в результате товарообменных операций на местах удалось накопить около 100 пудов зерна. Общее число голодающих достигло 14 509 человек. Существенные ожидания связывались с наступлением мая, поскольку предполагалось, что значительная часть нуждающихся сможет получать молочные продукты. Сложная ситуация наблюдалась среди детей в районных детских домах: до марта фиксировались случаи высокой смертности, обусловленные отсутствием медицинской помощи. После налаживания системы медицинского обслуживания случаи летальных исходов прекратились (ГААО. Ф.6. Оп.1. Д.36. Л.11 и об.).

В начале апреля в сельской местности и волостях Шалкарского района наблюдалось полное отсутствие системы общественного питания. Выделенные для нужд населения продовольственные ресурсы фактически не осваивались. Согласно свидетельствам очевидцев, официальная статистика о социальном составе района была искажена: утверждалось, что основную часть жителей составляют зажиточные слои и середняки, а число нуждающихся минимально. Несмотря на то, что на 12 волостей было выделено 1200 пудов зерна, факт его распределения вызывает серьёзные сомнения, так как реальной помощи голодающее население не получило (ГААО. Ф.6. Оп.1. Д.36. Л.12).

Процесс эвакуации беспризорных детей из Актюбинской губернии сохранял свою интенсивность и в 1922 году. Резкий рост численности данного контингента в период с января по февраль обусловил необходимость оперативных мер по их перемещению. В середине февраля 1922 года, в ответ на повторный запрос местных властей, санитарным поездом было вывезено 194 ребенка мусульманского вероисповедания. Практика территориального распределения детей продолжилась в весенне-летний период: в апреле 73 ребенка из Шалкара были направлены в Туркестанскую АССР, в мае 527 и 360 детей эвакуированы в Черниговскую и Житомирскую губернии соответственно. Последняя зафиксированная волна перемещения датируется 4 июня 1922 года, когда санитарным транспортом было вывезено еще 360 воспитанников.

В рассматриваемый период детские дома находились в ведении органов народного просвещения и формально выполняли задачи воспитания и обучения детей. Однако в условиях голода их деятельность носила преимущественно характер экстренной социальной помощи. Это свидетельствует о трансформации образовательной политики: от реализации задач воспитания и обучения к выполнению функций экстренной социальной помощи в

условиях кризиса.

Архивные материалы показывают, что образовательный процесс в большинстве учреждений был ограничен или отсутствовал. Основное внимание уделялось обеспечению питания, размещения и медицинской помощи. Таким образом, реализация образовательной политики в отношении беспризорных детей была существенно ограничена и зависела от материальных возможностей учреждений.

Согласно архивным сведениям, по состоянию на апрель 1922 г. сеть интернатных учреждений Актюбинской губернии характеризовалась значительной децентрализацией. Суммарное количество воспитанников в 20 детских домах губернии превысило 4000 человек. Характерно, что почти 40% всего контингента было сосредоточено в административном центре - городе Актобе, что косвенно подтверждает активную миграцию беспризорных детей из голодающих уездов в города в поисках продовольственной помощи. Минимальная обеспеченность специализированными учреждениями в таких районах, как Шалкарский и Карабутацкий, указывает на острую нехватку ресурсов на местах (ГААО. Ф. 3. ОП.1. Д.8. Л.58 и об.). Социально-экономический кризис привел к вынужденной оптимизации системы детских домов в Актюбинской губернии. В связи с сокращением бюджетного финансирования количество детских домов было уменьшено до девяти, в которых на тот момент находилось 1154 ребенка. Процесс ликвидации затронул Золотоношский, Аккемерский, Херсонский и Жайсанский детские дома. Смена статуса оставшихся учреждений, преобразованных в столовые, означала переход от модели полного государственного обеспечения (проживание и воспитание) к модели экстренной продовольственной помощи голодающим детям (ГААО. Ф.3. ОП.1. Д.604. Л.193).

Динамика сети интернатных учреждений Актюбинской губернии в период с августа 1921 по февраль 1923 года характеризовалась резкими количественными колебаниями - от 9 до 32 единиц. Увеличение числа детских домов в осенне-зимние периоды было обусловлено обострением проблемы голода и массовой стихийной миграцией нуждающегося контингента к железнодорожному узлу Актобе из сопредельных районов. В свою очередь, последующее сокращение сети обуславливалось двумя ключевыми факторами: плановой эвакуацией воспитанников санитарными поездами в другие республики и регионы СССР, а также вынужденной ликвидацией учреждений вследствие прогрессирующего дефицита государственных средств.

В период преодоления последствий голода 1921-1922 гг. существенную роль в Актюбинской губернии играла международная гуманитарная помощь. Деятельность АРА характеризовалась стремительным расширением сети столовых: с января по август 1922 года их число возросло с 319 до 527 единиц, а охват питанием увеличился с 25 тыс. до 89 718 детей (Козыбаева, 2022:31). Параллельно функционировали структуры Международного комитета Красного Креста, которые к июлю того же года открыли 18 столовых и 4 пункта общественного питания. Кроме того, была организована выдача сухих пайков, рассчитанных на 5 250 человек, включая социально уязвимые категории - беременных женщин и подростков до 14 лет (Козыбаева, 2022:34).

Острая нехватка продовольствия вынуждала административные органы Актюбинской губернии расширять круг получателей помощи путем максимального сокращения индивидуальных норм снабжения. Статистические данные фиксируют устойчивый рост численности лиц, получавших поддержку: с 15 043 человек в октябре 1921 года до максимального показателя в 60 000 человек в феврале 1922 года. Однако столь масштабный охват был обусловлен критическим уменьшением пайка - например, выдача муки сокращалась с положенных 10 до 7 фунтов на человека. Переход к распределению продовольствия в полном объеме в марте 1922 года привёл к резкому (в 30 раз) сокращению числа получателей помощи - до 2 000 человек, что наглядно свидетельствует о неспособности системы обеспечить полноценным питанием даже незначительную часть голодающего населения (ГААО. Ф.3. Оп.1. Д.604. Л.116).

Несмотря на ключевую роль системы детских домов в стабилизации социальной ситуации, их функционирование сопровождалось глубокими системными противоречиями. Материально-техническая база учреждений находилась в критическом состоянии: ветхость зданий, отсутствие оконного остекления и элементарного инвентаря делали условия проживания крайне тяжелыми. Остро ощущался дефицит нательного и постельного белья, обуви, а также кухонной утвари. Критическая перегруженность учреждений, достигавшая 200-250% от нормативной мощности, привела к катастрофической санитарно-эпидемиологической обстановке. В условиях отсутствия изоляторов инфекционные больные (составлявшие до 25% контингента) находились в общих помещениях со здоровыми детьми, что провоцировало неконтролируемое распространение заболеваний.

Стихийный рост численности беспризорников требовал от местных властей принятия экстренных мер по расширению сети специализированных учреждений. Однако состояние выделенного жилого фонда было неудовлетворительным: средства, поступившие в сентябре-октябре, обеспечивали лишь проведение текущего ремонта. Нехватка строительных материалов вынуждала закрывать оконные проёмы подручными средствами (войлоком, картоном, досками), что приводило к нарушению температурного режима. Высокая смертность в детских домах стала предметом разбирательств специальных комиссий. Итоги проверок выявили прямую зависимость между тяжёлым состоянием бытовых условий и летальными случаями среди воспитанников, что побудило власти организовать комплексную ревизию деятельности детских домов. Проверка детских домов Актобе, проведенная представителями здравоохранения и администрации в начале октября 1921 года, выявила системный кризис в обеспечении воспитанников. Комиссия документально подтвердила прямую связь между неудовлетворительными условиями содержания (скученность, холод в помещениях, отсутствие белья) и ростом детской смертности. Было установлено, что нехватка одежды, постельных принадлежностей в сочетании с крайне скудным и однообразным рационом (преимущественно рис и просо) привели к истощению детей. Эти факторы спровоцировали вспышки инфекционных заболеваний и рост летальности. По результатам проверки перед губернским исполнительным комитетом (губисполкомом) был поставлен вопрос о необходимости экстренного обеспечения детей одеждой, индивидуальными койко-местами, качественным питанием и усиления медицинского надзора (ГААО. Ф.3. Оп.1. Д.215. Л. 150-150об.).

Проверка, осуществлённая 22 октября 1921 года врачом Л.М. Либерзоном и фельдшером П.М. Фёдоровым, зафиксировала очень высокий уровень заболеваемости в детских учреждениях Актобе. В Доме матери и ребёнка из 39 воспитанников в возрасте от 2 до 5 лет здоровыми были признаны лишь семеро. По данным обследования, в детском доме № 2 доля здоровых детей составляла всего 5%, что фактически свидетельствовало о превращении воспитательных учреждений в места изоляции хронически больных. Комиссия определила основную причину массовых заболеваний в критическом недоедании и поставила перед местными властями вопрос о целесообразности дальнейшего функционирования таких учреждений. В итоговом заключении медики обозначили жёсткую альтернативу: либо срочная стабилизация продовольственного обеспечения, либо закрытие детских домов, которые в существующих условиях становились очагами распространения инфекций. Несмотря на резкие выводы, авторы отчета надеялись на улучшение ситуации в соответствии с лозунгом «Все для детей» (ГААО. Ф.3. Оп.1. Д.215. Л.151).

Трагическое положение детских домов подтверждается рапортом фельдшера Актюбинского детского дома Романова от 14 ноября 1921 года на имя заведующего Губздравом. В документе отмечено, что из-за отсутствия остекления и дефицита топлива был нарушен тепловой режим в помещениях. Санитарно-гигиеническая обстановка характеризовалась как катастрофическая: у воспитанников отсутствовала сменная одежда, а рацион питания, состоявший из некачественного хлеба и одноразового горячего питания, не соответствовал физиологическим нормам. Следствием этого стал резкий рост смертности: за

отчетные три недели было зафиксировано 103 случая смерти от истощения и острых кишечных инфекций (ГААО. Ф.3. Оп.1. Д.600. Л.64 и об.).

Статистический анализ смертности среди детского контингента в Актюбинской губернии (1921-1924 гг.) позволяет проследить динамику гуманитарной катастрофы. Согласно архивным сведениям (ГААО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 604), пик летальности пришелся на осенне-зимний период 1921 года, когда только за ноябрь было зафиксировано 320 смертей. Весенний период 1922 года также характеризовался высокими показателями: в городе и районе Актобе погибло 309 детей, в Акбулакском районе - 103, в Темирском - 83. Суммарно за период с марта по май 1922 года в различных уездах губернии была зафиксирована гибель 619 детей. Несмотря на то, что официальная статистика за период с июня 1921 по сентябрь 1922 года фиксирует 1579 летальных исходов, эти данные следует признать неполными. Они отражают лишь подтвержденные случаи, зафиксированные в специализированных учреждениях, в то время как реальный масштаб смертности был значительно выше.

К началу сентября 1922 года была завершена работа по уточнению численности воспитанников детских домов губернии и сформирована заявка на продовольствие. Однако в период с сентября по ноябрь снабжение осуществлялось с системными сбоями. Использование заменителей хлеба (с добавлением льняного семени, проса, свеклы и др.) спровоцировало массовые желудочно-кишечные заболевания. Согласно архивным данным (ГААО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 216. Л. 32), следствием употребления некачественного продовольствия стал резкий рост смертности среди детского контингента - с 8% до 25%. Масштаб трагедии в Актюбинской губернии следует рассматривать в контексте общерегионального кризиса: из 2,6 млн жителей пяти западных губерний голодом было охвачено 648 777 человек, при этом в Актюбинской области число нуждающихся достигло 159 000, что составило 39,1% от общей численности казахского населения региона.

К середине сентября 1922 года потребность воспитанников детских домов в сезонной одежде (обуви, головных уборах, верхней одежде) оставалась неудовлетворенной. Ввиду отсутствия фондов в Наркомате просвещения Киргизской (Казахской) АССР и на местных складах, администрация учреждений была вынуждена самостоятельно изыскивать ресурсы. Попытка Губпродкома решить проблему через запрос 1000 пудов хлопка была реализована лишь частично (выделено 300 пудов), что позволило обеспечить теплой одеждой лишь незначительную часть нуждающихся (ГААО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 216. Л. 32).

Анализ статистических данных показывает значительные расхождения в оценках численности беспризорных детей. В одних источниках их количество в регионе в 1922 году оценивается в десятки тысяч, тогда как официальные данные фиксируют значительно меньшие показатели.

Таким образом, расхождения в статистических данных обусловлены как методологическими различиями в учёте, так и объективными факторами - высокой мобильностью населения, отсутствием централизованной системы регистрации и быстрыми изменениями численности беспризорных детей в условиях кризиса.

Последствия голода и трансформация системы помощи (1923-1924 гг.) для оценки последствий кризиса необходимо кратко обратиться к данным последующих лет. В 1923 году, несмотря на некоторое снижение остроты голода, положение оставалось сложным: число нуждающихся значительно превышало возможности системы помощи.

Социально-экономическая ситуация и в 1923 году оставалась крайне напряженной. К началу 1923 года в губернии функционировало 13 детских домов, обеспечивавших содержание 1372 воспитанников, что составляло менее 1% от общего числа детей, находящихся в зоне бедствия (ГААО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 603). В дальнейшем произошла реорганизация системы социальной помощи, однако проблема детской беспризорности сохранялась. По состоянию на 1 февраля, из 357 567 жителей губернии 147 271 человек официально числились как голодающие (ГААО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 627. Л. 31). В Темирском районе при вместимости детских домов на 400 мест фактически находилось лишь 230 детей,

в то время как общая численность беспризорных достигла 2418 человек. Статистика уездов фиксирует резкий дисбаланс между масштабами голода и возможностями продовольственной помощи: в Актюбинском уезде в первой половине 1923 года охват питанием составлял всего 900 человек при наличии почти 40 тысяч нуждающихся (21 429 взрослых и 18 049 детей).

Для ликвидации последствий продовольственного кризиса формируется инфраструктура социального обеспечения, ориентированная на поддержку детей, как наиболее уязвимых слоев населения.

Таблица 3. Сеть детских домов Актюбинской губернии по национальному составу и вместимости (ГААО. Ф. 59. Оп.1. Д.67. Л.60).

	Наименование учреждения	Национальный состав воспитанников	вместимость	примечание
1	детский дом №1 Актобе	русские, татары, казахи	231	
2	детский дом №1 Актобе	русские	86	Дети с нарушениями здоровья
3	Вознесенский детский дом	русские	80	Дети с нарушениями здоровья
4	Тургайский детский дом	Казахи	50	
5	Шалкарский детский дом	Казахи	60	
6	Железный детский дом	комбинированный	90	
7	Акбулакский детский дом	Русские	100	
8	Актюбинский дом изоляции больных детей		50	

Данные таблицы 3 свидетельствуют о незначительном охвате детей системой детских учреждений при высоком уровне беспризорности.

Преобразование системы органов социальной помощи было оформлено декретом ВЦИК от 20 июня 1923 года, в соответствии с которым с 1 августа упразднялась Комиссия по борьбе с голодом и его последствиями. Её функции передавались Комитету по оказанию помощи сельскому хозяйству (сельхозпомощь); аналогичный орган был учреждён и при КазЦИКе. По данным на 1924 год, численность беспризорных детей оставалась высокой, что свидетельствует о долговременных последствиях кризиса 1921-1922 гг.

В 1920-1924 гг. в Казахской АССР действовало 196 детских учреждений, в которых воспитывались 15 156 детей. По данным на 1 января 1924 года, общая численность беспризорников оценивалась примерно в 45 000 человек, из них 2 404 приходились на Актюбинскую губернию (Сактаганова, Карсакова, 2018:51). При этом статистические сведения сильно различаются: в некоторых источниках численность беспризорных в Актюбинском регионе в 1922 году оценивается до 24 тысяч человек, что показывает противоречивость данных (ГААО. Ф.3. Оп.1. Д.603. Л.195 и об.).

В период голода 1921-1922 годов местные органы власти Актюбинской губернии предпринимали комплекс мер по поддержке детей, оставшихся без родительской опеки. Основной формой помощи стали детские дома: к концу 1921 года их насчитывалось 27-32

учреждения, способных принять 220000 детей. Однако из-за нехватки продовольствия, одежды и жилых площадей численность детей в детских домах была крайне нестабильной: периоды расширения сменялись сокращением и временной ликвидацией отдельных учреждений.

Власти организовали также ночлежки и столовые для беспризорников, где ежедневно обслуживалось в среднем 2892 детей, что позволило частично удовлетворить их базовые потребности. Одним из ключевых мероприятий было переселение детей в другие регионы республики и за её пределы, что снижало нагрузку на местные учреждения и частично уменьшало смертность среди наиболее уязвимых групп.

Несмотря предпринимаемые меры, уровень детской смертности оставался высоким. Основными причинами были недостаток продовольствия, неудовлетворительные санитарные условия и распространение инфекционных заболеваний. Часто больные и здоровые дети содержались вместе, что усугубляло эпидемиологическую ситуацию.

Анализ документов показывает, что эффективность деятельности властей была ограничена не организационной неспособностью, а объективными экономическими и социальными трудностями: нехваткой ресурсов, разрушением сельского хозяйства и общей экономической нестабильностью региона. Тем не менее систематизация мер, включая создание детских домов, организация столовых и ночлежек, переселение детей позволила частично стабилизировать положение беспризорных детей и снизить масштабы трагедии.

Заключение

Голод 1921-1924 годов стал трагическим испытанием для населения Актюбинской губернии, особенно для детей, оставшихся без родительской опеки. Работа местных органов власти организация детских домов, открытие столовых и ночлежек, переселение детей в другие регионы позволила частично смягчить последствия кризиса.

Однако нехватка продовольствия, ограниченность жилых помещений и распространение инфекционных заболеваний препятствовали полному решению проблем беспризорных детей. Динамика численности детских домов и объём предоставляемой помощи демонстрируют ограниченные возможности государства в условиях стихийного бедствия и социального кризиса.

Таким образом, меры властей, хоть и не смогли полностью устранить последствия голода для детской части населения, сыграли важную роль в частичном обеспечении жизнеобеспечения детей, снижении смертности и стабилизации ситуации в учреждениях для беспризорников. Эти результаты подтверждают, что работа местных органов власти имела системный характер и отражала приоритетное внимание государства к судьбам детей в чрезвычайной ситуации.

Проведённое исследование показало, что система социальной помощи беспризорным детям в Актюбинской губернии в 1921-1924 гг. носила нестабильный и противоречивый характер, сочетая элементы государственной политики и вынужденных экстренных мер. Установлено, что в условиях голода детские дома фактически утратили образовательные функции и трансформировались в учреждения выживания. Доказано, что ключевыми факторами высокой смертности являлись не только нехватка продовольствия, но и системный кризис материально-технического и медицинского обеспечения.

В ходе исследования установлено, что рост детской беспризорности был обусловлен не только последствиями голода, но и разрушением традиционных социальных связей и хозяйственного уклада. Динамика развития сети детских учреждений носила нестабильный характер и напрямую зависела от наличия продовольственных и финансовых ресурсов. Анализ деятельности органов власти показал, что предпринимаемые меры носили преимущественно экстренный характер и были направлены на физическое выживание детей. Условия содержания в детских домах характеризовались крайне низким уровнем материального и санитарного обеспечения, что способствовало высокой смертности.

Установлено, что образовательная политика в отношении беспризорных детей в рассматриваемый период была существенно трансформирована: воспитательные и образовательные функции учреждений отошли на второй план, уступив место задачам жизнеобеспечения.

Сокращения

ARA - Американская администрация помощи
Волисполком - Волостной исполнительный комитет
Губисполком - Губернский исполнительный комитет
Помгол - Комиссия помощи голодающим

Источники

Государственный архив Актыбинской области (ГААО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 8, 600, 603, 604. 627
Государственный архив Актыбинской области (ГААО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 26.

Литературы

Абенов Д.Қ. 1921-1922 жылдардағы Ақтөбе өңіріндегі аштықпен күрес // Ақтөбе өңіріндегі кеңестік қуғын-сүргін зобалаңы. - Ақтөбе, 2021. - 53-65 бб.

Аман Ә.Б. 1921-1922 жылдардағы Қазақстанның батыс өңіріндегі ашаршылық және оның демографиялық салдары // Ақтөбе өңіріндегі кеңестік қуғын-сүргін зобалаңы. - Ақтөбе, 2021. - 142-148 бб.

Исенов Ө. 1921 жылғы ашаршылық: тарих тағылымы [Электрондық ресурс]. - URL: https://taisoigan.kz/tarikh-lketanu/article_post/1921-zhylgy-asharshylyk-tarih-tagylmy (дата обращения: 16.02.2026).

Козыбаева М.М. Роль зарубежных организаций в борьбе с голодом 1921-1922 гг. в Казахстане // Вестник КазНПУ. Серия «Исторические и социально-политические науки». - 2022. - № 3(74). - С. 27-37.

Мәден А.Т. Ақтөбе губерниясындағы 1921-1922 жылдардағы аштық және оның әлеуметтік-демографиялық зардабы // Ақтөбе өңіріндегі кеңестік қуғын-сүргін зобалаңы. - Ақтөбе, 2021. - 30-37 бб.

Мусаев Б.А. Голод в первой половине 20-х годов XX века в Казахстане: исторический, социально-политический анализ : автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Уралск, 2005. - 30 с.

Сактаганова З.Г., Карсакова Г.Б. Детская беспризорность в Акмолинской губернии в 1921-1923 гг. и меры по ее ликвидации // Вестник Карагандинского университета. Серия «История. Философия». - 2018. - № 1(89). - С. 49-56.

Сарсенов А.С., Кайргалиева Г.К., Алипова Д.Ж. Голод 1921-1922 годов в Западном Казахстане: причины и последствия // Вестник Атырауского университета имени Х. Досмухамедова. - 2022. - № 1(64). - С. 24-34.

Смағұлова С. Ашаршылық қасіреті. 1-кітап. - Ақтөбе, 2019. - 272 б.

Сүгірәлімова Г.Б. Қазақстандағы панасыз балалар: мәселені шешу тарихы, тәжірибесі, қорытындысы (1920-1940 жж.) : автореф. дис. ... канд. пед. наук. - Қарағанды, 2006. - 24 б.

Хайдаров Е. 1921-1922 жылдардағы Орал губерниясындағы ашаршылық [Электрондық ресурс]. - URL: <https://www.danaqaz.kz/barlyk-nomirler/2021/56/item/777-1921-1922-zhyldardagy-oral-guberniyasyndagy-asharshylyk> (дата обращения: 16.02.2026).

Е. Конбай^{1*}, Р.Д. Ахметова²

^{1,2}*Шәкәрім университеті (Семей, Қазақстан)*

1921-1922 ЖЫЛДАРЫ АШАРШЫЛЫҚ КЕЗІНДЕГІ АҚТӨБЕ ГУБЕРНИЯСЫНДАҒЫ ПАНАСЫЗ БАЛАЛАРДЫҢ ЖАҒДАЙЫ

Аңдатпа. Мақалада 1921-1922 жылдардағы ашаршылық кезеңінде Ақтөбе губерниясындағы панасыз балалардың жағдайы зерттеледі. Табиғи апат пен ашаршылық салдарынан ересек халықтың қырылуы нәтижесінде қоғамның ең қорғансыз бөлігі - балалар тағдыры жергілікті билік органдары қызметінің басым бағыттарының біріне айналды. Осы жағдай XX ғасырдың алғашқы ширегіндегі әлеуметтік сілкіністерге арналған отандық тарихнамада аталған тақырыпты зерттеудің өзектілігін айқындайды.

Архив қорлары материалдары мен қазіргі заманғы зерттеулер деректері негізінде қарастырылып отырған кезеңдегі Ақтөбе губерниясындағы балалардың жағдайы жан-жақты талданады. Балалар мекемелерінің материалдық қамтамасыз етілуінің ауыр ахуалына, атап айтқанда азық-түлік, киім-кешек және тұрғын орын тапшылығына ерекше назар аударылады. Сонымен қатар жұқпалы аурулардың таралу себептері және олардың тәрбиеленушілер үшін қайғылы салдарлары ашып көрсетіледі. Билік органдарының аталған мәселелерді шешу бағытындағы қызметі зерделенеді.

Ашаршылықтан зардап шеккен ересек тұрғындарға көмек көрсетумен қатар, мемлекеттің кезек күттірмейтін міндеттерінің бірі жүздеген мың баланың өмір сүруін қамтамасыз ету болды. Балалар үйлерінің саны мен қызметі тұрақсыз сипатта дамыды: қаржыландырудың жеткіліксіздігі салдарынан олардың санының өсу кезеңдері қысқару және жабылу үдерістерімен алмасты. Балаларға көмек көрсетудің баламалы түрлері ретінде билік органдары панасыз балаларға арналған түнгі баспаналар мен асханалар ұйымдастыруға мәжбүр болды. Балалар өлімінің артуына байланысты ашыққан балаларды республиканың басқа өңірлеріне, сондай-ақ оның шегінен тыс жерлерге көшіру тәжірибесі қолданылды.

1921-1922 жылдардағы ашаршылық халыққа, әсіресе балаларға ауыр зардап әкеліп, балалар панасыздығы мәселесін шұғыл шешуді талап етті. Кеңес Одағындағы экономикалық қиындықтар, қазақ қоғамының күрделі әлеуметтік жағдайымен ұштаса отырып, балалар мәселесін шешуді одан әрі қиындатты. Аталған кезең ел тарихындағы ең қайғылы беттердің бірі болып қала береді.

Кілт сөздер: Ақтөбе губерниясы, панасыз балалар, 1921-1922 жж. ашаршылық, балалар үйі, жергілікті билік органдары, балаларды эвакуациялау, жұқпалы аурулар, аштарға көмек.

Y. Konbay^{1*}, R. Akhmetova²

^{1,2}*Shakarim University (Semey, Kazakhstan)*

THE SITUATION OF HOMELESS CHILDREN IN AKTOBE PROVINCE DURING THE FAMINE OF 1921-1922

Abstract. The article examines the situation of homeless children in Aktobe Province during the famine of 1921-1922. As a result of the natural disaster and the mass mortality of the adult population, issues of child protection-as the most vulnerable social group-became a priority in the activities of local authorities. This determined the relevance of studying this topic within national historiography devoted to the social upheavals of the first quarter of the twentieth century.

Based on archival materials and contemporary research, the article provides a comprehensive analysis of the condition of children in Aktobe Province during the period under study. Particular attention is paid to the severe material conditions of childcare institutions, manifested in acute shortages of food, clothing, and housing. The causes of the spread of infectious diseases and their consequences for children are examined, as well as the measures taken by the authorities to address these issues.

Alongside assistance to the adult population, one of the state's primary tasks was to ensure the survival of hundreds of thousands of children affected by the famine. The number of orphanages was highly unstable: periods of expansion were followed by decline and closure due to insufficient funding. As alternative forms of assistance, shelters and public canteens for homeless children were organized.

Amid rising child mortality, one of the key measures was the relocation of children to other regions of the republic and beyond. The famine of 1921-1922 had a severe impact on the population, especially on children, and required urgent measures to address child homelessness. Economic difficulties in the Soviet state, aggravated by the specific conditions of Kazakh society, significantly complicated the resolution of these issues. This period remains one of the most tragic pages in the history of the country.

Keywords: Aktobe Province, homeless children, famine of 1921-1922, orphanages, local authorities, relocation of children, infectious diseases, famine relief.

References

Abenov D.K. 1921-1922 zhyldardagy Aqtobe onirindegi ashtyqpen kures / Aqtobe onirindegi kenestyk qugyn-surgin zobalany [Fight Against Hunger in the Aktobe region in 1921-1922]. Aqtobe, 2021. Pp. 53-65. (In Kaz.).

Aman A.B. 1921-1922 zhyldardagy Qazaqstannyn batys onirindegi ashharshylyq zhane onyn demografiyalyq saldary / Aqtobe onirindegi kenestik qugyn-surgin zobalany [Famine in the Western Region of Kazakhstan in 1921-1922 and its demographic consequences]. Aqtobe, 2021. Pp. 142-148. (In Kaz.).

Isenov O. 1921 zhylygy ashharshylyq [The Famine of 1921: lessons of history]: tarih tagylymy, 2021. // URL: https://taisoigan.kz/tarikh-lketanu/article_post/1921-zhylygy-ashharshylyk-tarih-tagylymy (In Kaz.).

Koygeldiev M., Omarbekov T. Tarih tagyilyimy ne deydy? [What does the history lesson say?]. Almaty: Ana tili, 1993. 208 p. (In Kaz.).

Kozybaeva M.M. Rol' zarubezhnyh organizacij v bor'be s golodom 1921-1922 gg. v Kazahstane [Role of zarubezhny organizations in 1921-1922 gg. in Kazakhstan] / KazNPU Bulletin: "Historical and Social-Political Sciences" series, 2022. No. 3(74). Pp. 27-37. (In Russ.).

Maden A.T. Aqtobe guberniyasyndagy 1921-1922 zhyldardagy ashtyk zhane onyn aleumettik - demografiyalyq zardaby [The Famine of 1921-1922 in Aktobe province and its socio - demographic consequences]. Aqtobe onirindegi kenestik qugyn-surgyn zobalany. Aqtobe, 2021. Pp. 30-37. (In Kaz.).

Musaev B.A. Golod v pervoj polovine 20-h godov XX veka v Kazahstane: Istoricheskij, social'no-politicheskij analiz [Famine in the first half of the 20th century in Kazakhstan: Historical, socio-political analysis]: Abstract of the Candidate's dissertation. Ural'sk, 2005. 30 p. (In Russ.).

Saktaganova Z.G., Karsakova G.B. Detskaya besprizornost' v Akmolinskoj gubernii v 1921-1923 gg. i mery po ee likvidacii [Child homelessness in Akmola province in 1921-1923. and measures for its liquidation]. KarGU Bulletin. Seriya "History. Philosophy" series, 2018. No. 1(89). Pp. 49-56. (In Russ.).

Sarsenov A.S., Kajrgalieva G.K., Alipova D.Zh. Golod 1921-1922 godov v Zapadnom Kazahstane: prichiny i posledstviya [Holod 1921-1922 years in the Republic of Kazakhstan: history and Post]. Kh. Dosmukhamedov Atyrau University Bulletin, 2022. No. 1(64). Pp. 24-34 (In Russ.).

Smagulova S. Ashharshylyq qasirety [The Tragedy of famine]. Book 1. Aqtobe, 2019. 272 p. (In Kaz.).

Sugiralimova G.B. Qazaqstandagy panasyz balalar. Maseleni sheshu tarihy, tazhiribesi, qorytyndysy (1920-1940 zhzh.) [Homeless children in Kazakhstan. History, experience, conclusion of solving the problem (1920s-1940s.)] / Candidate's dissertation thesis. Qaragandy, 2006. 24 p. (In Kaz.).

Hajdarov E. 1921-1922 zhyldardagy Oral guberniyasyndagy asharshylyq [Famine in the Ural province of 1921-1922], 2021. // URL: <https://www.danaqaz.kz/barlyk-nomirler/2021/56/item/777-1921-1922-zhyldardagy-oral-guberniyasyndagy-asharshylyk> (In Kaz.)

Сведения об авторах:

Конбай Ерке – докторант 3-курса по ОП «8D01601 - История», Шәкәрім университет, Семей, Казахстан

Ахметова Раушан Дюсенбековна – кандидат исторических наук, ассоциированный профессор кафедры истории Шәкәрім университет, Семей, Казахстан.

Авторлар туралы мәлімет:

Конбай Ерке – «8D01601 - Тарих» ББ-ның 3 курс докторанты, Шәкәрім университеті, Семей, Қазақстан,

Ахметова Раушан Дюсенбековна – тарихы ғылымдарының кандидаты, Шәкәрім университеті, тарих кафедрасының қауымдастырылған профессоры, Семей, Қазақстан

Information about authors:

Konbay Yerke – 3st year doctoral student in the program "8D01601 - History", Shakarim University, Semey, Kazakhstan

Akhmetova Raushan Dyusenbekovna – Candidate of History, Associate Professor of the Department of History, Shakarim University, Semey, Kazakhstan

Вклад авторов

Конбай Ерке – разработала концепцию исследования, осуществила поиск, отбор и анализ архивных и исторических источников, подготовила и написала основной текст статьи, сформулировала выводы

Ахметова Раушан Дюсенбековна – участвовала в разработке методологического подхода исследования, провела научное редактирование текста, участвовала в интерпретации результатов, структурировании материала и уточнении теоретико-методологических положений.

Авторлардың үлесі:

Конбай Ерке – зерттеу тұжырымдамасын әзірледі, архивтік және тарихи деректерді іздеп, іріктеу және талдау жұмыстарын жүргізді, мақаланың негізгі мәтінін жазды және қорытындыларды тұжырымдады.

Ахметова Раушан Дюсенбековна – зерттеудің әдіснамалық тәсілін қалыптастыруға қатысты, мәтінге ғылыми редакция жүргізді, нәтижелерді түсіндіруге, материалды құрылымдауға және теориялық-әдіснамалық негіздерін нақтылауға қатысты.

Author Contributions

Konbay Yerke – developed the research concept, conducted the search, selection and analysis of archival and historical sources, prepared and wrote the main text of the article, and formulated the conclusions.

Akhmetova Raushan Dyusenbekovna – contributed to the development of the methodological framework of the study, carried out scientific editing of the text, participated in the interpretation of

the results, structuring of the material, and refinement of the theoretical and methodological foundations.

Поступила в редакцию 20.12.2025
Поступила после доработки 20.02.2026
Принята к публикации 29.03.2026